

Фрагменты круглого стола

Круглый стол с участием столичных филологов Ирины Прохоровой и Сергея Дмитренко, состоявшийся в Овальном зале физико-математического лицея № 31, начался с обсуждения диалектической связи литературы и бизнеса...

Прохорова. Если мы говорим о культуре в современном мире — а ему, слава богу, несколько столетий — то, например, изобретение Гуттенбергом печатной машины можно считать символом неразрывности литературы и бизнеса. Уже сама литература стала профессией: появились профессиональные литераторы, живущие на деньги от своих трудов. Не все и не всегда, но это возможно в принципе. Современная литература тесно связана с рынком. Правда, в Советском Союзе книжный рынок был отравлен идеологией. Печатались миллионные тиражи книг, которые сразу ставились на полки, — и ни одна живая душа не разрезала их страницы. Противоестественное явление. Или вспомним Союз советских писателей — эдакую кормушку, к которой алчущие “литераторы” пробивались всякими неблагоприятными способами, что никак не способствовало развитию литературы.

Сложность и привлекательность жизни в литературе объясняется существованием издательств, живущих по законам рынка, что, кстати, не отменяет духовности. Издатель, по сути, является первым критиком авторского произведения, он делает выбор и выстраивает стратегию своего бизнеса, а наличие большого числа других издателей уже с собственными установками позволяет структурировать самые разнообразие рыночные ниши. Что же касается исторических оценок современных писателей, это предугадать невозможно. Время покажет величие того или другого. А история часто бывает несправедлива, как и современный мир. Шекспира забыли и вспомнили через двести лет. Пушкина тоже сначала забыли, а в 80-х годах XIX века заговорили, как о нашем всем. Работа издателя, с одной стороны, — получение дохода “здесь и сейчас”, чем точнее попадаешь в рынок, тем увереннее твоя экспансия. С другой стороны, это инверсия: изданные книжки могут долго стоять в углу, а через несколько лет, десятилетий или столетий

“выстрелить”. Потомки вдруг обнаруживают, что “этот текст” существует! И он становится востребованным!

Что касается российского бизнеса в общем плане, можно констатировать некую фрагментацию в понимании происходящего в стране. Например, становление благотворительных фондов (я сама руковожу фондом девять лет) в новейшей России началось на рубеже веков, когда это было узаконено. Но и раньше люди, заработавшие свои первые капиталы, старались помогать школам, больницам, детским садам. И если когда-нибудь будет написана подлинная история “лихих девяностых”, мы увидим, что многие общественные учреждения выжили с помощью частной благотворительности. Что касается литературного процесса, бытует миф, что “раньше все было великим и замечательным, а в девяностые все пропало”. Мой опыт издателя показывает обратное. С конца 1980-х появились независимые издательства, стало возможным печатать любую литературу, цензура сгинула и наступил расцвет книгоиздания. Вспомним, какой был дефицит популярной литературы в советское время, как люди стояли в очереди за каким-нибудь детективом или Солженицыным. А то, что сейчас расцвела “попса” — ничего страшного. Зато возможно производство каких-то сложных, новаторских идей. Никак не обещая ситуацию, скажу, что все не так мрачно...

Дмитренко. Кстати, наше издательство “Первое сентября” было образовано в 1993-м частным лицом. Его учредил педагог-журналист Сима Соловейчик, он стал издавать собственную педагогическую газету. Люди заволновались: “Сима, ты провалишься — твой “Дневник писателя” никому не нужен”. А сегодня мы видим, как необходимы предметные приложения, поскольку вся советская система рухнула и методическую литературу надо восстанавливать. Соловейчик учредил 10 приложений: “Литература”, “Русский язык”, “Математика”, “Физика” и так далее. Сейчас их 22. Он умер в 1996 году, дело

продолжает сын. Со многими трудностями, дикостями — но дело развивается. Издание стало цветным, нас даже упрекают: “гламура уже больше, чем литературы”...

Прохорова. Ну, что вы? Красоту никто не отменял, а многим привычнее наша прежняя эстетика безобразия! Духовность у нас часто ассоциируется с бедностью, уродством. Глупости!

Дмитренко. Когда вы издали книгу “Ароматы и запахи в культуре” и представили ее в гламурном виде, это выглядело приятнее...

Прохорова. Что вы подразумеваете под гламуром? Все то, что красиво? Но не всегда так. Гламуром часто считается и некрасивое.

Дмитренко. Мне проще сверстать простую страничку, с картинками — сложнее.

Прохорова. Иллюстрации — очень важное приобретение для издания. Это ложное понимание, что надобно вырасти из детского возраста, мол, книжки с картинками — это неприлично. Не бойтесь красоты, если она изящна.

Дмитренко. Мы боимся, что пособие в 200 рублей для учителя неподъемно. Правда, у нас есть электронная версия ценою в 200 рублей на полгода. Представить подобное при советской власти невозможно.

Прохорова. До сих пор выдавалось бы спец. разрешение на пользование компьютером.

Дмитренко. Помню, в молодости я купил первую пишущую машинку, образцы шрифта сдавал в отделение милиции.

Прохорова. Что-то мы затянули песни про античных героев. Вернемся в сегодняшний день. Хочу подчеркнуть, что мировая периодика уходит в интернет. Теперь все в открытом доступе, каждый получает, что хочет и что нереально перелопатить, сидя в библиотеках. Современные базы данных периодики — колоссальный интеллектуальный прорыв! Но пока нет структурирования литера-

турной, художественной жизни. Вообще любая новая технология одновременно и обожествляется и демонизируется. Пуристы считают, что читать книжку в бумажном виде — духовно, а “всякие новые штучки” — от лукавого. Но здесь дело привычки, даже люди в возрасте могут привязаться к сети. Проблема в другом. Литературный журнал или издательство — это система оптимизации материалов, а интернет пока — абсолютно не структурированная огромная помойка. И у начинающих авторов нередки иллюзии, мол, выставлю свои опусы в сети, и весь мир их прочтет. Но это все равно, что напечатать и положить в стол. Самостийные литературные сайты, где выложены тысячи или миллионы текстов, — братская могила сродни складам рукописей в издательствах.

Сегодня актуальны сайты другого уровня организации в гиперпространстве. А нынешние сайты, по сути, калька с бумажной культуры, которая не выстраивает логику восприятия. У Роберта Даля, замечательного историка и культурного антрополога, был целый цикл статей о проектах в гиперпространстве. По его мнению, интернет — новая эпоха для научных исследователей с иной логикой представления материалов. По Далю, тотальная история есть верхний слой информации, которая бесконечно разветвляется и развивается. В этом пространстве можно свободно выкладывать материалы любого размера, поскольку они не требуют представления на бумаге. Однако это требует определенного изменения сознания, другого принципа структурирования. Кстати, здесь возникает и проблема авторских прав, поскольку писатели страдают больше, чем издатели. Если налицо свободный доступ к информации, ее потребитель не понимает, зачем платить за контент. А каково жить автору? Фактически он перестает владеть интеллектуальной собственностью, его можно скачать без проблем. Видимо, придется пройти какой-то круг и вернуться-таки к идее оплаты авторских прав, а общество надлежит

воспитывать, что труд художественных людей должен вознаграждаться. Вспомним, что до Пушкина литературные писания не оплачивались, именно он считается в России первым профессиональным литератором, который жил на гонорары со своего труда. До него позволить себе писать могли только патроны или джентльмены с достатком. В этом смысле XIX век оказался прорывом для свободного творчества. И вот сейчас, как ни странно, мы возвращаемся к давним временам, когда автору необходим какой-либо патронаж или свободные средства для того, чтобы заниматься “изящным рукоделием”. Я чуть огрубляю ситуацию, но это серьезная проблема.

Дмитренко. Согласен. Правда, в советское время, когда писатель поступал на службу к государству, оно его содержало сравнительно прилично, а в итоге мы имели извращенную литературу... писатель всегда должен быть бедным, голодным...

Прохорова. А еще он может быть успешным...

Дмитренко. Да, вспомним Льва Николаевича Толстого. Когда он женился, ему нужно было добывать что-то на жизнь, уже прошла крестьянская реформа. И он ведь сумел организовать свой литературный труд и получение от него дохода очень грамотно. Вот только Толстой один, а писателей много.

Прохорова. Мы знаем и Достоевского, который писал бесконечные продолжения своих произведений, он путал имена, его подгоняли издатели, но то был профессиональный труд. Цензура, конечно, существовала, но тем не менее, это чрезвычайно интересная ситуация слома традиционного мира, который в момент своего совершенствования вдруг воспринимает новые технологии... И, кстати, о профессии издателя. Книга не становится книгой, пока она не попала на полки магазинов или к читателям в руки. Ее еще надо продать. Просто посылать книги в библиотеку — не вариант. Библиотеки

ненавидят, когда им дарят книги, которые они сами не заказывают, они не знают, что с ними делать. Книга из рукописи, из некоторого приятного времяпрепровождения становится общественным фактом только тогда, когда она проходит все жернова рынка. Она рецензируется, ее читают, она становится объектом обсуждений! А иначе это просто любительство.

Дмитренко. Но вообще, само “писание” — счастье! Человек должен быть благодарен себе и богу за то, что написал. Ну а дальше начинаются некие процессы. Вспомним, как у Даниэля Дефо рукопись его романа “Робинзон Крузо” взял в производство девятнадцатый лондонский издатель, а восемнадцать его не поняли и отвергли.

Прохорова. Через два века история повторилась с Гарри Поттером. Там тоже десяток издателей отказался... Но так случается во все времена.

Дмитренко. Рукопись должна пройти что-то, должна заявить о себе чем-то. Помню, к нам пришел в институт Юрий Казаков и сказал: “Волка ноги кормят!” Сделал табличку, записал названия своих рассказов в одной колонке, а названия периодических изданий — в другой. Приходил в журнал и сдавал им свой рассказ. Ставил дату. Шел в следующий. Редактор отказывался брать рассказ, пытался что-то объяснить. А он в ответ: “Мне ничего не нужно объяснять! Вот вам следующий рассказ”. И вот таким образом, работая по четко спланированному графику, он стал известным русским писателем, новеллистом, рассказчиком. Это нормальная работа. Счастье писания и счастье издания. Сплошное удовольствие.

Прохорова. Издатель может говорить о проблемах сколько угодно, это внутрицеховые проблемы. Важно, что выбирается, что неожиданно публика находит. Самое интересное в издательском деле — поиск. Каждый издатель мечтает найти свою книгу. Я была знакома с изда-

телем, опубликовавшим Дельвига. Какой замечательный человек! Он признался: “Ну вот, не зря жизнь прожил”. А ведь можно издать массу чудесных книжек, но так и не попасть в “больную точку” общества, что вызывает культурный взрыв. Иногда же книжка долго лежит на полке, а потом “прорастает”. Я до сего дня стараюсь — хоть это практически невозможно — просматривать все, что приходит самотеком. Один процент может оказаться шедевром. Остальная вулканическая лава безумия сразу отсеивается. В самом начале издательской деятельности мне по почте пришла статья Александра Гольштейна. Мой ровесник, до 1990-го жил в Баку. Когда там начались погромы, он уехал в Тель-Авив. Статья меня поразила, напечатали ее в НЛО. Потом издали его эссе. В 1996 году эта книжка — “Расставание с нарциссом” — получила Малого Букера. То была сенсация в литературно-интеллектуальных кругах. И мы ее несколько раз переиздавали. Это поразительная находка. Он в начале 90-х все так описал, как мы сейчас понимаем себя и наше время. Это крушение цивилизационного строя, разрывы, новые связи и возможности... И каким блистательным языком написано! Подобные откровения и заставляют заниматься издательским делом, а все остальное просто технологический процесс. Самое увлекательное — поиск и находки.

Первый читатель. Наверное, раньше из-за разного рода запретов было труднее предложить литературный текст, роман, повесть. И они тщательнее прорабатывались.

Прохорова. Прошу прощения, но это придумано палачами, губителями словесности. Армия цензоров или кромсала хорошее произведение, или доводила до ума какую-то идеологическую хрень “про работу любимого завода”. Мне приходилось делать подобное, работая в журнале. Приносили опус какого-то противного начальника от литературы, и мы, бедные, сидели и переписывали ее. Зато что-то яркое и сильное никак не впи-

Совсем молодой человек пишет так, будто он живет в 1975 году, будто он пролежал замороженным тридцать лет и ничего не усвоил из нового опыта. Я входила в жюри Букера, все читала — грустное зрелище. А какие раньше яркие тексты выходили в самиздатах, но они тогда не были прочитаны обществом.

сывалось в привычное болото. Сегодня — свободный издательский рынок, при всех его издержках. Пусть вы не нашли понимания у одного, идите к другому. Вас никто кромсать не будет. Прежняя цензура ни к чему хорошему не привела. Всех гребли под одну гребенку. Историю отечества заставляли по десять раз переписывать, чтобы сделать один среднесоветский текст. А еще это была кузница дурного вкуса. Как-то Мандельштам сказал, что у плохих стихов есть своя традиция. Это точно. Воспроизводство штампов. Нам только так кажется, что все ушло и не вернется. Я вижу современную литературу и понимаю, как та, еще советская литература страшно влияет на молодых авторов: сюжетные ходы, герои, коллизии... Невозможно понять, когда это написано. Совсем молодой человек пишет так, будто он живет в 1975 году, будто он пролежал замороженным тридцать лет и ничего не усвоил из нового опыта. Я входила в жюри Букера, все читала — грустное зрелище. А какие раньше яркие тексты выходили в самиздатах, но они тогда не были прочитаны обществом.

Второй читатель. Но ведь государственный патронаж, так или иначе, подталкивает авторов к самоцензуре, это достаточно сильно проявляется в разных средах...

Прохорова. Все зависит от типа государства. В Швейцарии существует фонд Гуттенберга, который помогает творческим людям. Государство вкладывает в него львиную долю средств, но не может влиять на идеологию и политику фонда.

Дмитренко. Есть еще важный нюанс. Раньше писатель писал ручкой, печатал на машинке или передавал машинистке, потом правил много раз, то есть — как-то работал с текстом. Сейчас человек набрал на компьютере и по емэйлу переслал в редакцию...

Прохорова. Вы, наверное, “за гладкопись”, а современная проза часто строится на специально ломаном языке, порою с введением жестких оборотов. Это не всегда плохое письмо, просто другой тип письма. Насколько на него влияют новые технологии — непонятно. С чего вы считаете, что человек, стучащий на машинке, больше думал о стиле? Пишущему человеку всегда тяжело, и совсем необязательно устраивать ему казни и пытки, калечить его произведения. Реализовать талант — сверхсложная задача, борьба живого организма с требованиями среды. Это драма. Невозможно подсчитать, сколько талантов погибло. Талант — существо хрупкое. Это не кайлом бить по рельсам. Но я не говорю, что нужно создавать резервацию, где бабочки летают, просто надо ясно понимать главное: составить себе репутацию и имя — это жизненный подвиг. К чему дополнительные сложности?

Третий читатель. Рукописи не горят!

Прохорова. Еще как горят! И огромное количество! Такие размышления, по сути — оправдание общественно-политических режимов. Извините, какое количество шедевров было создано в советское время в литературе? Только давайте Ахматову и Пастернака не брать. Они сформировались и расцвели раньше, а дожили до 60-х годов и сошли со сцены. А вот действительно советских шедевров немного, может быть, хватит пальцев на двух руках. И стоило ли столько крови проливать? Огромное количество авторов спилось и погибло, а те, что уехали, только потому и сохранились. Почему так сложно писать историю русской литературы? Нет преемственности, традиции, в отличие от западной. Там, скажем, был

модернизм, потом постмодернизм... А у нас все обрублено. И модернизм не развился, его пресекли, он ушел в сторону. Начался постмодернизм — самиздатский, нонконформистский, но он непонятен, не изучен. Это уже не древо жизни, а какие-то торчащие сучки. И все потому, что литературе не давали развиваться нормально, она всегда была идеологической служанкой. Сегодня мы ее похвалим, завтра — посадим. И бедные писатели бегали, пытались найти какой-то угол. В этом вся трагедия. Мы не можем собрать их воедино, не сводятся концы с концами.

Первый читатель. Но вроде кто-то пытается. В последние месяцы обсуждается пресловутый список писателей, рекомендованных к прочтению в школе.

Прохорова. Сама идея “ста книг” порочна. Какие могут быть здесь ограничения? Ну, прочитал человек все по списку, галочку поставили, а дальше можно лежать на диване? И ведь в этот список понапишут черт знает что. Потом будет дикое количество крови, споров... Это дань тотальному планированию, что было в советское время: дети должны прочитать столько-то книг и усвоить столько-то материала. Количества было много, но его осмысление не предполагалось. И вместо того, чтобы привить детям любовь к интересному тексту, в них будут впахивать придуманную кем-то “сотню книг”, большей частью сомнительных. Сейчас детям дадут мертворожденные тексты, а потом будут удивляться, что они не хотят читать.

Второй читатель. Я работаю в вузе и вижу, что молодые люди хотят читать, но затрудняются в выборе литературы.

Прохорова. Ну, это кредо преподавателя — ориентировать!

Второй читатель. Пытаемся, ориентируем. Помню, еще в 1970-е одну статью про то, что литературная критика не востребована читателями, поскольку критики говорят

на другом языке и не о том, что читателя реально волнует. В ответ критики сетовали, что их вытесняют с печатных площадей, оставляя какие-то закутки в газетах. Но в те же 80-е мы читали Сергея Аверинцева, Льва Аннинского, Игоря Золотусского, а сейчас совсем непонятно, на кого ориентироваться. Поэтому читатель занимается саморегуляцией. Непрофессиональная рекомендация, безыскусный пересказ им более значим, чем статья критика, скажем, Льва Данилкина или Дмитрия Быкова. Молодые спрашивают друг у друга, что читать.

Прохорова. И мы в университете делали то же самое, хотя учились на филфаке, читали всю историю литературы. Но если кто-то продвинутый в группе рекомендовал нам что-то, мы немедленно читали. Это очень эффективный способ, я вас уверяю. Сарафанное радио — древний способ передачи качественной информации.

Второй читатель. Сарафанное радио — это хорошо. Недавно на конференции в Крыму состоялась дискуссия с детьми. На вопрос: “Чье мнение вас интересует — друга, учителя или библиотекаря?”, они ответили замечательно: “Того, кто умнее, кто знает больше, чем я”. Поэтому рекомендация нужна. И сама идея сотни книг — не так уж абсурдна, она стимулирует разговор о селекции литературного потока.

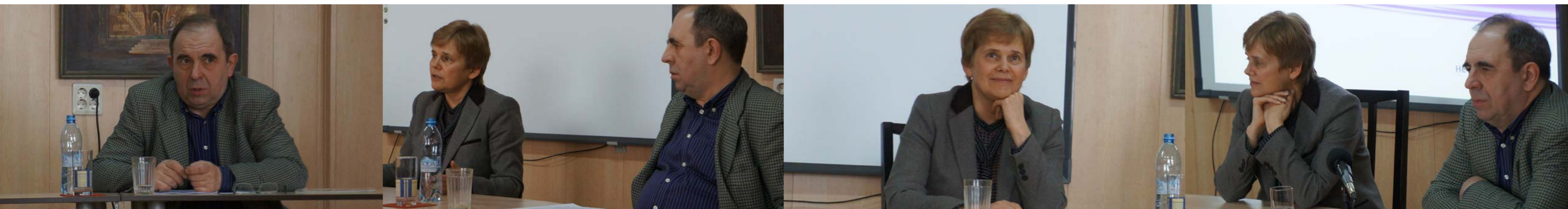
Прохорова. Понимаю и попробую объяснить. Проблема есть, ведь читатель как читал, так и читает, его интерес к новому сохраняется, но что у нас с литературной критикой? Раньше она отталкивалась от советской эстетики. Худо-бедно критерии были разработаны, и критик мог объяснить, почему одна книга хороша, а другая плоха. Тогда сложился консенсус в профессиональном сообществе: условная система координат, не включающая массу подробностей в связи с идеологической доктриной. После 1991 года модель перестала работать. Перед критиками, литературоведами, вообще всеми гуманитариями возникла необходимость перечитать всю

историю отечественной и мировой литературы, чтобы основательно переосмыслить прежние градации, пантеоны классиков, построенные в течение двухсот лет, особенно в советский период. То кого-то выбрасывали, то кого-то с кровью включали в новую табель о рангах. В 90-е во многих периодических изданиях был большой раздел рецензий, в московских газетах доставалось даже нашему журналу “Новое литературное обозрение”. Но встал вопрос: а где наш новый Белинский, который смог бы сформировать литературный процесс и выстроить общепризнанную систему координат? Казалось бы — какой невероятный простор открылся! Теперь можно смело собирать разные художественные тексты — и создавать свою картину мира. Подобных Белинских должно было быть несколько. И они должны объяснить, почему, например, Захар Прилепин отличный или плохой писатель. Ведь недостаточно просто написать, мол, я терпеть не могу этот роман, ну а вот эта повесть бесспорно хит сезона. Так ничего и никому не объяснишь. Система сравнений не работает! От того, что вам навяжут какие-то “100 книг”, легче не будет. Непонятно как их выбирать, от каких критериев отталкиваться...

Второй читатель. Важно, что список будет обсуждаться, начнется разговор о книгах, от чего нужно отталкиваться, какая селекция должна быть.

Прохорова. А вы сами не можете для себя выстроить “сотню” или “двадцатку” книг — и обсудить с детьми, не ожидая, когда список спустят сверху?

Дмитренко. В прошлом году мы разослали в 300 адресов письмо с просьбой назвать двенадцать произведений, написанных после смерти Сталина, которые можно считать значительными. Получили 154 списка, по рейтингу на первом месте оказалась повесть “Москва — Петушки!»! Когда я передал результаты Ирине Дмитриевне и предупредил, что “Архипелаг ГУЛАГ” не на первом

месте, а только на втором, она ответила: “Ну, тогда на первом месте, разумеется, “Москва-Петушки”. Иного быть не может”.

Прохорова. Кстати, какого возраста были ваши эксперты?
Дмитренко. Это наши критики — от Павла Басинского до Евгения Сидорова.

Прохорова. Так они и росли на этом культовом произведении нашей молодости. Классная книга, бессмертная!

Дмитренко. Сейчас у нас новый проект на сайте — “Современное живое”. Мы просим назвать 12 лучших произведений после 1985 года. Кто-то называет два-три, кто-то хвалится, что может назвать пятьдесят. Хотелось бы собрать самые субъективные мнения — и посмотреть, что из этого выйдет общее, что совпадет...

Прохорова. Интересны мнения молодых читателей, а не только известных критиков и литераторов. Ведь очевиден огромный водораздел между ними. Мы в свое время читали примерно одну доступную всем литературу. Более того, раньше чтение было фактором некоторого единения или разъединения. По тому, что читали или цитировали, можно было понять, кто свой или чужой. Вспомним, как в 80-е годы молодые интеллектуалы стали отращивать бороды, по таким косвенным признакам различали либералов и консерваторов. Сейчас все не так. С конца девяностых чтение как бы приватизировалось: стали читать много, но разное. А объединяются молодые люди по другим поводам, но не на основе литературы, хотя это не значит, что они не читают. И встает вопрос: а нужно ли их снова загонять в одинаковое чтение? Или не мешать им находить свои каналы коммуникации? Я думаю, каждый молодой сегодня может назвать свой уникальный список из 12 книг.

Дмитренко. Эта анкета открыта для всех, но молодые более инертны...

Прохорова. А что мы хотим получить от чтения? Да, сама идея приобщения к чтению — замечательная: чтение

развивает ум, обогащает внутренний мир и т.п. Но сие есть занятие индивидуальное. Вам или нам всем зачем это анкетирование?

Дмитренко. Мы посчитали важным установить какие-то общие интересы, имеющие значение в определенный период. Анкета открыта и для учителей, и для учеников, и вообще для всех, стоит только зайти на сайт “Первое сентября.ру”. Наверное, найдется множество причин, по которым ответить трудно. Нам же это интересно не потому, чтобы составить какие-то рекомендательные списки, а представить спектр и объем читательских мнений и предпочтений. Покажи книжку, которую ты читаешь — может и мне она будет интересной.

Четвертый читатель. Я представляю Комитет родительского сопротивления.

Прохорова. О, боже!

Четвертый читатель. У меня серьезный вопрос. Он касается всех, у кого есть дети, внуки... Ирина Дмитриевна, мне интересно: что вы и ваш фонд несете людям? Я видел ваш ролик с Никитой Михалковым, вы очень хорошо говорили о культуре, о ее значимости. И у вас внятно прозвучало, что вы несете европейскую культуру...

Прохорова. А у нас есть какая-то другая?

Четвертый читатель. Я и хотел поделиться болью именно по этому поводу. Я уже взрослым переживал годы перестройки, теперь у меня дети выросли — одному 30 лет, другой 26. Понимаете — не хотят жениться, не хотят иметь детей...

Прохорова. Я виновата в этом?

Четвертый читатель. Я поясню свою драму. На чем воспитывались мои дети? Они воспитывались на европейской культуре, смотрели западные мультфильмы...

Прохорова. И поэтому перестали рожать детей? Мы с дочерью тоже смотрели мультфильмы — и ничего, родили двух. Какая связь?

Четвертый читатель. Дочь у меня креативная, культурная,

но она публично заявляет: “Не хочу замуж, не хочу детей”.

Прохорова. Можно подумать, в 26 лет это последний шанс. Дети у вас совсем молодые.

Четвертый читатель. Дело не в том. Посмотрим на Европу... Михалков сказал, что она нас затмевает — но нет, она вымирает! В Англии девушек меньше, чем черных!

Прохорова. Можно мы не будем продолжать разговор на такие темы...

Четвертый читатель. Это проблема!

Прохорова. Не вижу здесь никакой проблемы. Наверное, молодые теперь вступают в брак чуть позже, чем раньше. В наше время было модным высказываться замуж в 18 лет. Что плохо! Люди незрелые, они совершенно не знали себя. Разводов было немыслимое количество. Давайте мы не будем идеализировать свою молодость. Нам кажется, что мы были умнее, духовнее — ерунда это, иллюзия!

Дмитренко. Позвольте, уважаемый, вы говорите, что у вас двое детей, которые не хотят себя связывать матримониальными узами. Но ведь это ваши проблемы! Если бы вы им отбирали нужные мультфильмы и книжки...

Четвертый читатель. Я работал, зарабатывал деньги на рынке, мне было некогда...

Прохорова. Помилуйте, действительно не все потеряно для ваших детей, они могут завтра же заявить: папа, мы женимся/выходим замуж! Вы что хотите устроить своим детям: жестко направлять, как считаете нужным? Но они получатся инфантильными, без опыта собственного выбора. И правильно, что дети живут для себя. А для кого они должны жить? И причем здесь европейская культура? Вы им какую жизнь хотите? Чтобы они опять узкоколейку рыли?

Четвертый читатель. Я не знаю, я просто вам вопрос задаю...

Прохорова. Мы почему-то всегда сваливаем вину на

детей. Но если мы их родители — то несем ответственность за их воспитание. Может, вы слишком строгий отец и никогда не одобряли их выбор? Они уже боятся...
Четвертый читатель. Это вы их увлекли культурой западной...

Прохорова. Хорошо, вы хотите китайскую культуру? Какую культуру хотите? Может, изобрести свою?

Четвертый читатель. Надо свои коды изобретать.

Прохорова. Ну, давайте из пальца изобретать какие-то коды. То, что вы изобретете — я вам скажу сразу — будет мракобесием как раз европейского образца. Если мы под литературу будем подводить все христианские ценности, понятные очень превратно, то уйдем далеко. Ведь христианские ценности можно понять как угодно. Можно сказать: мы бьем и вырезаем всех неверных, а можно говорить о гуманизме, толерантности — и это тоже будут христианские ценности. Библию читали в разные века по-разному. Инквизиция тоже на якобы христианских ценностях основана, а пытали и сжигали людей, плодами научных открытий которых мы сейчас пользуемся. Я бы не спешила искать коды, изобретать какую-то защиту. Набожные люди (а я не верю в напускную набожность) взяли сказку Пушкина “О попе и работнике его Балде” — и поскольку еще Жуковский предложил императору версию, где “поп” был заменен на “купца” — так теперь эту версию везде проталкивают. Это что — большая духовность? А может, людям объяснить систему нравственных понятий? Чему, кстати, европейская культура никак не противодействует. Идея собственного пути... Но у каждой страны свой путь. Те же Англия и Германия не похожи друг на друга, они совсем по-разному развивались, но таки являются субъектами общей европейской культуры. И у нас свои корни... Да, и почему вы считаете, что ваши дети чем-то не тем занимаются? А чем им нужно заниматься? Вы знаете?..

БК